

Панченко Андрей Алексеевич

Долг

УДК 82-312.9
ББК 84-445
П16

Панченко А. А.

П16 Долг / Андрей Алексеевич Панченко. – М.: Литнет, 2026. – 214 с.

ISBN 978-5-524-00903-6

Сергей, вчерашний курсант учебного полка спецназа, прибывает в Афганистан, рассчитывая попасть в обычную часть. Но война не даёт времени освоиться – уже в первые часы он оказывается в самом пекле боёв под Асадобадом.

Чтобы выжить среди чужих гор, врагов и суровых законов войны, Сергею придётся стать тем, кем он никогда не собирался быть – настоящим бойцом спецназа.

Данное произведение является художественным и не имеет отношения к реальным историческим событиям. Книга не претендует на документальность или историческую достоверность. Все события, описанные в тексте, являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями, местами или событиями – случайны. Названия боевых частей, их расположение, персонажи, а также любые упоминания структур, подразделений и обстоятельств – являются авторским вымыслом.

Автор с уважением относится к ветеранам войны в Афганистане.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00903-6

© Литнет, 2026

© Панченко А. А., 2026

1

Я понял почему Морозов отобрал всего двадцать четыре человека, когда нас повезли в аэропорт. Шишига остановилась перед двумя вертолетами Ми-8 и нам приказали грузиться на борт.

В каждый вертолет загрузили всего по двенадцать человек, и на это были объективные причины. Вертолеты и так были сильно перегружены. Кабины пилотов были обшиты броней, закрепленной на болтах прямо на алюминиевый корпус. Бронеплиты под лобовыми и боковыми стеклами кабины экипажа отчетливо бросались в глаза, как и плоские лобовые бронестекла. В отличие от остальных выпуклых стекол кабины, эти три передних стекла были абсолютно плоскими, и имели заметный зеленоватый оттенок. На внешних пилонах вертолетов висели тяжелые блоки неуправляемых ракет.

Боевые машины, уже ни раз побывавшие под обстрелом. Фюзеляж вертолета, в который садился я, пестрил подкрашенными заплатками, закрывавшими пулевые отверстия. Только с одного борта я насчитал их семь штук, да и на боковой бронеплите были видны отметки от пуль.

Морозов проконтролировал чтобы все новобранцы оказались внутри, потом забрался в наш вертолет и устроился на откидном сидении борттехника в кабине пилота, тут же начав проверять курсовой пулемет. При этом сам борттехник даже слова против не сказал, он остался в грузовом отсеке и тоже принялся возиться у ПКМ установленного на шкворневой установке в проеме левой сдвижной двери. Похоже они всерьез готовились воевать.

Двигатель вертолета в это время заработал, и лопасти начали с визгом очерчивать круги, разгоняя холодный воздух.

Борттехник закончил заправлять ленту в пулемёт, и наклонившись что-то сказал Морозову. Старший лейтенант кивнул, обернулся на нас, окинул взглядом притихших спецназовцев. Потом махнул мне рукой, чтобы я подошел.

– Серёгин, к пулемету. – приказал мне старлей, едва я наклонился к нему, чтобы лучше слышать – Егорыч объяснит, что и как.

Шум двигателя нарастал. Сверху, прямо над потолком кабины, ревели два газотурбинных двигателя. Их звук при открытой двери превращался в сплошной высокочастотный свист и гул. Огромный несущий винт издавал тяжелый, ритмичный рубящий гул и характерные хлопки. Воздух буквально «вколачивался» в открытый проем двери, создавая внутри сильнейшие завихрения и ураганный ветер.

Борттехник за шиворот оттащил меня к пулемету, шустро накинул мне на пояс страховочный ремень и пристигнул его стальным тросом к полу вертолета. Затем сунул мне в руки бронежилет, каску и кожаные перчатки.

– Надевай! – Прокричал он мне в ухо – Следи за землёй. Обращай особое внимание на вспышки на земле и дымные следы в воздухе. На трассеры. Если увидишь, чего, просто стреляй в то направление. Обозначай угрозу. В ленте каждый третий трассирующий, или пилоты или я увидим. Если свет в отсеке начнет моргать, это значить пилоты подают команду «Внимание».

Тогда смотришь на меня, у меня есть СПУ, я узнаю в чем дело и покажу тебе чего делать дальше.

Борттехник пнул металлический ящик, жестко закреплённый к полу вертолета возле пулеметной установки.

– Тут коробка с лентами. На сто патронов каждый. Запасной ствол там же. На ящике можно сидеть пока, когда к горам подойдем, лучше встань и смотри в оба! Ну всё, не зевай.

Вертолет качнулся, и по самолетному покати́л на взлет. Я шустро начал облачатся в выданное мне снаряжение, краем глаза заметив, что борттехник направился в глубь кабины, к грузовому люку, где расчехлил ещё один пулемет, установленный в специальном вырезе между створками.

Вертолет трясло всё сильнее. Колёса ещё пару секунд дробно стучали по бетонке, потом этот стук исчез, и сразу стало как-то

особенно неудобно – под ногами уже ничего не было, только дрожащий алюминиевый пол, рев двигателей и серое небо за распахнутой дверью.

Я кое-как застегнул бронежилет, натянул каску, втиснул ладони в грубые кожаные перчатки и уселся на ящик рядом с ПКМ. Металл пулемёта был ледяной, будто его только что из снега вытащили.

Через открытую дверь в лицо сразу ударил такой поток воздуха, что глаза заслезились. Внизу быстро поползли назад бетонка, какие-то склады, стоянки техники, потом аэродромная сетка, редкие дома на окраине Кабула. Мы поднялись выше, и город открылся передо мной как на ладони.

Я ожидал увидеть что-то другое. Всё-таки столица чужой страны, про которую у нас столько говорили. А увидел пыль. Просто бесконечную серо-жёлтую пыль, плоские глинобитные коробки, узкие улицы, редкие деревья и какие-то бесформенные развалины. Местами по дорогам ползли машины – старые грузовики, легковушки, шли ослы с телегами. С высоты всё это выглядело игрушечным, но почему-то не мирным. Даже сверху город казался злым и грязным.

Наш Ми-8 шёл невысоко, метров сто пятьдесят, может двести над землёй. Второй транспортник держался справа чуть позади. А вот две двадцатьчетвёрки работали как сторожевые псы – одна впереди левее, вторая сзади правее. Они то приподнимались, то уходили ниже, слегка рыскали, перекрывая сектора. Даже мне, человеку далёкому от авиации, было ясно: летят не прогулочным строем, а как положено в зоне, где могут стрелять снизу.

Морозов сидел в кабине пилотов, но постоянно оборачивался назад, проверяя нас. Лицо у него было спокойное, будто он на дачу едет, а не летит в боевом вертолете, который каждый местный моджахед мечтает ссадить с неба и опустить на грешную землю, желательно в виде обломков.

Спецназовцы в салоне молчали, да и невозможно было разговаривать в таком шуме. Двенадцать мужиков сидели на лавках вдоль

бортов, с вещмешками между ног, и все как один пилились в иллюминаторы, на проплывающую внизу землю.

Минут через десять Кабул окончательно остался позади, и под нами пошла голая каменная страна. Сначала редкие холмы. Потом каменные складки. Потом настоящие горы.

С воздуха они выглядели не как на картинках в учебниках – красивые снежные пики и романтика. Нет. Это были серо-бурые, рваные, мёртвые камни, местами покрытые клочками грязного снега. Ущелья, расщелины, обрывы. Ни леса, ни нормальной травы. Только иногда тонкая нитка дороги внизу, да темные, извилистые линии рек и ручьёв. И в каждой такой складке, как сразу начинало казаться, вполне мог сидеть кто-нибудь с ДШК или ПЗРК, мечтая именно в этот день испортить нам настроение.

Я обернулся на бортехника, и встретился с ним взглядом. Он ткнул пальцем вниз, потом двумя пальцами себе в глаза. Смотри мол, не отвлекайся. Я и смотрел.

Сначала просто таращился на землю, ничего не понимая. Камни, русла высохших рек, глиняные мазанки, какие-то тропы. Потом постепенно глаз начал цепляться за детали. Вот группа чёрных точек у дороги – люди. Вот два грузовика внизу. Вот на склоне что-то блеснуло. Я вздрогнул и уже почти нажал на спусковой крючок пулемёта, но понял, что это солнце ударило в кусок жести.

Время тянулось почти бесконечно, а мы всё летели и летели среди гор, Вертолеты выписывали виражи между скалами, крутились по спирали набирая высоту, потом падали вниз скользя вдоль склонов, потом всё повторялось снова. Пот стекал по спине под бронежилетом, хотя в кабине было чертовски холодно. ПКМ стоял передо мной тяжёлый, надёжный, с уже заведённой лентой. Ствол смотрел в серое ущелье, которое медленно наползало под нас. Я держался за рукоятку, и отчётливо понимал. В нас могут сейчас начать стрелять по-настоящему и я, пристёгнутый к полу тросом как собака у будки, буду стрелять в ответ. Накаркал...

В этот момент одна из Ми-24 впереди резко качнулась и ушёл чуть вниз, ныряя в устье ущелья. Остальные машины потянулись за ним. Свет в отсеке заморгал, и я тут же повернул голову в сторону бортинженера.

Егорыч жестом показал мне чтобы я встал, и смотрел на землю. Потом наклонился к ближайшему спецназовцу, и что-то проорал ему на ухо. Тот вскочил и подбежав ко мне заорал прямо в лицо.

– Подходим к Асадобадун! Следи внимательно, сразу огонь открывай если что, не жди команды!

Солдат метнулся на своё место, а я вскочил, вцепившись в пулёмёт. Наш вертолёт снизился до предельно малой высоты, и теперь казалось почти касался колесами реки, которая проплывала под его брюхом. Мы шли вдоль русла Кунара, очевидно, чтобы не попасть под обстрел ПЗРК. Крокодилы остались выше, видимо для прикрытия.

Внезапно по фюзеляжу раздаётся серия резких звонких ударов. Я с удивлением замечаю, как в борту вертолёта, в полуметре от меня появляется рваная пробоина, величиной с кулак. И тут до меня доходит, что по нам стреляют из ДШК!

Адреналин бьёт в голову, затуманивая сознание. Я наблюдаю за собой как будто со стороны. Мой палец сам, не зависимо от мозга вдавливая спусковой крючок пулемета, и я начинаю стрелять, ещё даже не видя вспышек на склоне, просто в ту сторону, откуда к нам прилетают пули.

Секунда, и я замечаю трассеры, бьющие с соседнего вертолёта и с вершин окружающих нас гор. Все они сходятся в одной и той же точке на противоположном от нас склоне горы, и я доворачиваю пулемет. Врага я до сих пор не вижу, но теперь и я бью вместе с остальными стрелками туда, где пули вспахивают грунт и рикошетят от камней.

Идущие выше Ми-24 мгновенно разворачиваются на огневую точку и выпускают по склону веер неуправляемых ракет, буквально выжигая и так перепаханный пулями склон.

Вертолет несется дальше, и я вынужден прекратить стрельбу. Теперь я уже не вижу куда стрелять, да и патроны у меня закончились, зато оживает пулемет бортехника. Я же судорожно отстегиваю короб, и пытаюсь перезарядить ПКМ.

Хорошо, что я держался за пулемет. А то бы выпал нафиг. Внезапно вертолет задирает нос, шаг винта ощутимо увеличивается, и мы мгновенно теряем скорость. Вокруг поднимаются облака пыли и вертолет падает на землю, качнувшись на амортизаторах.

Из кабины пилотов вылетает Морозов, и схватив первого же попавшегося бойца буквально вышвыривает его из вертолета, следом летит его вещмешок. Бортехник, бросив пулемет, пинками гонит на выход остальных.

Я тоже дёрнулся к двери, но тут же повис на ремне как кобель на цепи.

Стальной карабин страховки, которым бортехник пристегнул меня к полу, закусило намертво. Я рванул раз, другой – бесполезно. В перчатках пальцы не слушались, замерзли, защёлка не поддавалась. Вокруг уже шла бешеная суета: спецназовцы один за другим выпрыгивали наружу прямо в клубы жёлтой пыли, пригибаясь и исчезая за бортом. Кто-то орал, кто-то матерился, Морозов буквально пинал последних под зад, чтобы не тормозили. А я остался у пулемёта, нелепо дёргая этот чёртов карабин.

– Егорыч! – заорал я, сам себя не слыша.

Бортехник обернулся, одним взглядом понял в чём дело, метнулся ко мне, потом остановился, махнул рукой и что-то заорал. Сквозь гул винтов и рев двигателя я с трудом расслышал:

– Сиди!

Я растеряно замер, не зная, что делать. Снаружи уже гремело так, будто мы сели не на базу, а в середину артиллерийского полигона. Только теперь до меня дошло, что происходит вокруг.

Асдобадская база вела бой. Где-то совсем рядом, за насыпью, одна за другой рвались мины. Взрывы били глухо, тяжело, с фонта-

нами камня и пыли. Над площадкой свистели осколки. Со стороны дальних капониров непрерывно лупили зенитки. Чуть левее бухала что-то покрупнее. К склонам окружающих гор тянулись десятки трассеров – красные, зелёные, белые. База отвечала всем, чем могла.

Духи, похоже, работали сразу по двум задачам – долбили миномётами сам гарнизон и одновременно устроили засаду на заходящие на посадку вертолёты. Наш Ми-8 ещё не успел толком коснуться земли, а вокруг него уже плясала пыль от близких разрывов.

Я, пригнувшись, машинально схватился за пулемёт, не понимая – наружу мне или внутрь. Но давать времени мне на решение этого вопроса похоже никто не собирался.

Из пыльной мути к борту вдруг вынырнули восемь человек. Не наши новоприбывшие, а совсем другие.

Они бежали быстро, низко пригнувшись, как люди, которые делают это не первый и не десятый раз. Все обвешанные подсумками, с РД за спиной. У двоих ПК, у одного РПГ, у остальных автоматы, но буквально у каждого к рюкзаку приторочена «муха». Лица чёрные от пыли и копоти. Один прямо на бегу что-то показывал рукой в сторону гор.

Они без единой заминки начали грузиться в наш вертолёт. Я только глазами хлопал. Первый залетел внутрь, ткнул пальцем в мою сторону и крикнул:

– Бортстрелок?

Я машинально кивнул. Объяснять, что я никакой не член экипажа, а вчерашний курсант, времени не было. Да и не услышал бы он.

Морозов уже снова был в кабине пилотов. Видимо, именно ради этого всё и делалось – выгрузить нас, подхватить маневренную досьмотрово-блокирующую группу и сразу уйти в горы, перекрывать отход тем, кто сейчас долбит базу и встречал вертолёты на подлёте.

Егорыч с заднего пулемёта дал длинную очередь куда-то поверх насыпи, напрочь забыв про меня. Новые пассажиры только плюхнулись на лавки и на пол, кто где успел, как машина уже сорвалась с места.

Снова удар по амортизаторам, рывок вверх, пыльное облако провалилось вниз. Мы взлетели.

Через открытую дверь я увидел Асадобад уже сверху, и картина была эпичная. База стояла в узкой долине, прижатая к реке и горам. Несколько вертолётных площадок, капониры, ангары, палатки, склады, каменные укрытия. И всё это сейчас тонуло в дыму и пыли. На одном конце территории что-то горело. По периметру метались фигурки людей.

Зенитные установки били почти не переставая, развернув стволы к склонам гор. Откуда-то из центра базы вверх ушла красная сигнальная ракета.

Почти сразу рядом рванула ещё одна мина – я даже с воздуха увидел чёрный куст взрыва.

– Миномёты с северного хребта! – проорал кто-то из только что загрузившихся спецназовцев.

– И ДШК у реки! – ответил другой.

Они говорили коротко, без паники, будто обсуждали, куда за водой сходить. Старший группы – жилистый капитан с перебинтованной кистью – уже стоял в проёме кабины и что-то быстро орал Морозову, показывая карту.

Я стоял у пулемёта и всё ещё не мог понять, как за какие-то три минуты из перепуганного молодого новобранца превратился в участника боевого вылета.

Один из спецназовцев, сидевший прямо у моих ног с ПК на коленях, поднял голову, посмотрел на меня и вдруг ухмыльнулся.

– Ну что, бортовой, добро пожаловать в Асадобад.

И в этот момент вертолёт снова резко нырнул в ущелье, уходя к склонам, откуда продолжали бить мины. Я только сильнее вцепился в рукоятки ПКМ.

Теперь уже не было ни растерянности, ни попыток понять, что происходит. Вертолёт летел, а я торчал в дверном проёме, пристёгнутый к полу, с пулемётом перед носом. Значит, моё дело было простое – смотреть и стрелять.